

которого состоит в том, что дети, находящиеся в благоприятном положении, склонны недооценивать его, те же, кто находится в неблагоприятном положении, напротив, склонны его переоценивать. В основе этого феномена лежат компенсаторные механизмы, которые «смягчают» воздействие негативной информации о реальном положении на сознание испытуемых. Показатели осознанности отношений составляют 54 % в классах с демократическим, 46,5 % в классах с либеральным и 43 % в классах с авторитарным учителем.

Результаты показывают, что до четвертого класса для детей важным является то, как относиться к ним учитель, в каких формах он выражает свое отношение. К четвертому классу эти характеристики становятся менее значимыми.

Зачастую сам учитель является причиной неудовлетворительного положения ребенка в системе отношений со сверстниками. Установлено также, что чем ниже социометрический статус ребенка, тем большее значение для него имеет то, как относится к нему учитель, что свидетельствует о наличии глубокого, зачастую, неосознанного самим ребенком, переживания. При авторитарном стиле общения дети значительно чаще проявляли школьную тревожность.

Выводы

1) Школа ориентирована, прежде всего, на принцип правильных ответов. В сознание ребенка с ранних лет закладывается страх перед возможной ошибкой. Страх удерживает его от осуществления попыток преодолеть ошибочное действие. Все функции: закрепление, обобщение, контроль сводятся к выявлению того, чего дети не знают, не умеют. Они лишены права на помощь учителя. Страх стимулирует появление стратегий «молчания» [10]. Ребенку безопаснее промолчать, чем дать неверный ответ на вопрос и получить негативную оценку в адрес своей личности или интеллекта.

2) Учитель зачастую направляет свою энергию на утверждение собственного авторитета власти, на признание собственной значимости любой ценой, даже ценой унижения достоинства еще не сформировавшейся детской личности. В противном случае, проявляет отсутствие интереса к работе и безразличие к детям, не несет ответственности за психологический комфорт ребенка, не заботится о создании и поддержании благоприятных условий для развития его личности.

3) Приоритетом для большинства учителей (а по некоторым данным и воспитателей в дошкольных учреждениях) является, прежде всего, поддержание дисциплины в классе. В связи с этим, наиболее популярны дети спокойные и кон-

формные, те, кто не нарушает дисциплины, которыми можно легко манипулировать. Яркий, активный, любознательный, неординарный ребенок зачастую вызывает раздражение.

4) Постоянное игнорирование или подавление естественных детских потребностей, унижение чувства собственного достоинства ребенка приводит к накоплению негативных эмоций, которые затем реализуются в актах агрессии или самоагрессии и постепенно превращают их в черту его личности.

5) Процесс деформации начинается с семьи и довершается на поздних этапах онтогенеза, продуцируя психологически нездоровую личность, не способную адаптироваться и конструктивно решать проблемы, склонную к девиациям или саморазрушающему поведению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Przemoc i agresja jako zjawiska społeczne. Pod red. M. Binczyckiej-Ancholcer. Warszawa, 2003.
2. Спиваковская А.А. Профилактика детских неврозов. М., 1988.
3. Wolińska J.M. Agresywność młodzieży – problem indywidualny i społeczny. Lublin: Wydawnictwo UNCS, 2000.
4. Agresja i przemoc a zdrowie psychiczne. Praca zbiorowa pod red. M. Binczyckiej-Ancholcer. Warszawa-Poznań, 2001.
5. Danilenko A. Autorytarne zorientowane kształcenie jako determinanta zachowania agresywnego // Agresja i przemoc a zdrowie psychiczne. Pod red. M. Binczyckiej-Ancholcer. Poznań-Kiekrz, 2003. С. 67-69.
6. Коломинский Я.Л., Панько Е.А. Диагностика педагогического взаимодействия. Методическое пособие. – Минск: Национальный ин-т образования, 1993.
7. Прихожан А.М. Сравнительный анализ формирования психологической готовности к школьному обучению в детских садах и подготовительных классах // Диагностика учебной деятельности и интеллектуального развития детей. Сб. науч. трудов / Под ред. Д.Б. Эльконина, А.Л. Венгера. – М., 1981.
8. Dorkey M., Amen E.W. A continuation study of anxiety reaction in young children by means of projective technique. – Genet. Psych. Monogr., 1947. XXXV.
9. Amen E.W. Renison N.A. A study of the relationship between play pattern and anxiety in young children. Genet. Psych. Monogr., 1954. L.
10. Щербо И. Школа страха // Школьный психолог. № 48. – М., 1999, - С. 14.

УДК 801

Венкович М.С.

ПОНЯТИЕ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ

Становление науки логики связывают, как известно, с именем Аристотеля, впервые изложившем в более или менее систематизированном виде итоги своих многолетних наблюдений над многообразным функционированием форм языка. Исследуя принципы правильного соединения мыслей, то есть законы правильного мышления, античные философы рассматривали формы мышления без отрыва от их языкового содержания, но постепенное использование приема логической формализации привело к вычленению формальной стороны мышления, в результате чего формальная логика является до настоящего времени ареной многочисленных дискуссий.

Классическая формальная логика не поставила на повестку дня логических исследований проблему смысла высказы-

вания, но тот комплекс смежных вопросов, изучению которого посвятили себя многие логики античности, имеет самое непосредственное отношение ко всей проблематике смысла и входит в нее основной составной частью. В первую очередь это относится к вопросу о соответствии содержания выражаемой в языке мысли действительности. Определяя логическую характеристику суждения как утверждение или отрицание чего-либо относительно чего-либо, Аристотель имеет в виду ту форму мысли, в которой она (мысль) может быть истинной или ложной, то есть онтологической основой суждения является присущность или неприсущность чего-то чему-то [1]. Более того, Аристотель попытался дать свое понимание истины, правда, далекое от совершенства, но тем не

Венкович Михаил Станиславович, к.ф.н., доцент, зав. каф. иностранных языков Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

менее в некоторой степени материализованное. Силлогистика Аристотеля не была чисто формальной, а базировалась на отражении в ней определенных моментов реальной действительности. Высказывания (суждения - по Аристотелю) имели смысл только в том случае, если оно что-то утверждало или отрицало относительно объектов реального мира, иными словами если оно могло быть квалифицировано как истинное или же как ложное. Следовательно, утверждение или отрицание, имеющие смысл полагания существования и несуществования чего-то в логике Аристотеля рассматриваются как факты гносеологические.

В то же время, изучая отношение мыслей при помощи силлогистики Аристотеля, древние греки прибегли к замене имеющихся в этих мыслях переменных компонентов символами. Суждения получали формализованную запись типа «Если все А суть Б и все Б суть С то все А суть С». Признается, что уже в таком изначальном и несовершенном виде формализация позволяла вскрыть многие логические структуры, неподдающиеся обнаружению другим путем, обеспечивала более глубокое исследование самого содержания [2].

Формализация, как особый способ связи мысли между собой, позволяла исследовать такие отношения между суждениями по их условиям истинности, которые дают возможность переносить значение истинности с одних суждений на другие, не обращаясь непосредственно к опытной проверке, к реальной действительности. Изучение этих отношений позволяет построить теорию формального вывода, то есть такого вывода, в котором для получения необходимой или определенной степени вероятной истинности заключения не нужно вникать в смысл посылок и вывода, а надо только соблюдать известные установленные этой теорией правила.

По мере применения к области логики формальных методов исследования, а также в результате бурного развития точных наук, в частности математики, сформировалась символическая (математическая), или формализованная логика, в которой отвлекаются не только от конкретного, но от всякого содержания мыслей, то есть символами обозначают не только переменные, но и постоянные. Эта высшая формализация привела к особому рода исчислениям, к созданию формализованных языков, к иному пониманию смысла формализованного высказывания [3].

Не трудно заметить, что формальная и формализованная логики не противостоят друг другу как совершенно разные явления, а отличаются всего лишь уровнями абстрагирования. Формальная логика абстрагируется, как правило, от определенного содержания мысли, конкретные термины заменяют буквенными обозначениями, но это абстрагирование не является абсолютным. В рамках формальной логики возможны замены эквивалентных по значению слов, возможно рассмотрение логических констант по их содержанию. Это дает основание для утверждения, что в формальной логике мы абстрагируемся от конкретного и частного содержания, но не от всякого содержания, не от содержания вообще. Формализованная же логика абстрагируется от любого содержания вообще и рассматривает чистые, внешние формы как таковые. Символическая (математическая) логика, выступающая в своем «чистом виде» как формализованная логика, полностью строится на символическом, искусственном языке и является, по замечанию Г.А. Брутяна, «логикой искусственного языка». [3, стр. 111] Но несмотря на разную степень абстрагирования от содержания высказывания, основная задача их одна и та же – формальная направленность в исследовании мысли.

Появление известного труда Б. Рассела и А. Уайтхеда «Principia Mathematica», в котором была осуществлена идея алгебраизации логического языка, ознаменовалось последующим интенсивным использованием приемов и методов формализованной логики. Тезис философов логико-математического направления, тесно связанного с методоло-

гическими основами позитивизма, состоял в том, что «все, о чем говорится в науке, может быть сказано посредством слов минимального словаря» [4] Отсюда следовало, что наиболее удобным и самым минимальным словарем является система аксиом алгебраической логики, дальнейшее развитие которой вылилось в создание символической логики и привело к слиянию в конечном итоге с математической логикой.

Если языковое высказывание, записанное на языке символической логики представляет собой некоторую структуру в виде ряда искусственных символов, из которых затем комбинируются (выводятся) другие алгебраические формулы, то внимание исследователя должно быть сконцентрировано в первую очередь на правилах формального вывода последующих высказываний (формул) из предыдущих. Так как знаки (символы) формализованного языка являются искусственными образованиями и не имеют непосредственной предметной соотнесенности в реальной действительности, то о конкретном смысловом содержании в таких формулах – высказываниях не может быть и речи. Речь здесь может идти лишь о правилах операций теми либо иными формулами, исходя из строгого порядка символов (не вникая в смысл формул), то есть по сути дела о построении формально-синтаксических систем, в которых не рассматриваются отношения знака к десигнату, а только отношения знака к знаку.

С другой стороны, использование приемов и методов символической логики позволяет получить вполне осмысленное высказывание только в том случае, если заменить соответствующие математические символы определенными языковыми значениями. Например, функции $F(x)$, $G(x)$ при подстановке конкретного значения переменной превращаются в высказывания «Студент читает», «Ученик читает» и т.д. Причем, как только переменная функция заменяется некоторым языковым значением, то получаемое в результате высказывание требует квалификации по линии истинности или ложности.

Совершенно очевидно, что естественный язык является тем необходимым условием, без которого не может существовать ни один символический язык, поскольку любой язык формальной логики строится первоначально именно на базе естественного языка. Все искусственные языки создаются и функционируют только на основании национальных естественных языков. В высказываниях естественного языка закрепляются знания человека об окружающей его действительности и, следовательно, фиксируются сами логические связи, представляющие в конечном итоге опосредствованное отражение связей действительности [5].

Проблема реального существования почти всегда выносятся за пределы формальной логики. Особенно четко это заметно в так называемой логике отношений, где всячески подчеркивается важность фактора отношения, а объекты, отношения между которыми подлежат изучению, не подвергаются рассмотрению. В известной формуле aRb средний элемент R заслоняет собой элементы a и b , то есть понятие отношения поглощает понятие предметности и весь смысл такого высказывания состоит в непротиворечивости всевозможных отношений между составляющими компонентами данной формулы установленным правилам. И наоборот, если некоторые отношения между элементами подобного высказывания не согласуются с заранее установленными правилами отношений, то это высказывание не имеет вообще никакого смысла.

Не затрагивает смыслового содержания языковых выражений, а распространяется только на область структуры языка и анализ высказываний с позиции логического синтаксиса, являющегося составной частью символической логики [6]. Поскольку логический синтаксис, как и другие формальные системы, оперирует только формой (структурой) высказывания, постольку содержание становится для него несущественным. При операциях по правилам образования и преобразования высказываний их смысловое содержание сознательно

опускается, смысл исследуемого высказывания сводится к его корректному выводу из предыдущего.

Логический анализ высказываний, представленных в виде некоторой цепочки символов и организованных согласно строго установленным синтаксическим правилам без обращения к отношению между языком и объективной действительностью, ведет к тому, что языковое высказывание приравнивается к любой конвенциональной системе знаков, а ценность подобной формализации для лингвистики, особенно семантики, представляется весьма сомнительной и проблематичной, так как «применение логических формул для описания смысла высказываний живой речи равносильно отказу от изучения собственных механизмов языка» [7].

Синтаксис в своей целостности должен изучать отношения между элементами языка как отношения содержательные, как отношения формально-семантических единиц, а не как чистые реляции, он не должен уходить от семантической интерпретации высказываний, или шире – от рассмотрения языка в общефилософском плане.

Можно заключить, что современная символическая логика сохраняет полностью важнейшую характеристику традиционной формальной логики – она отвлекается от содержания мыслей и обращается исключительно к их форме. Однако это ни в коей мере не должно означать, что высказывания формальной логики абсолютно абстрактны и лишены хотя бы малейшей референции в объективной действительности. Уже тот факт, что язык формальной логики, как и всех других формальных систем, строится в конечном итоге на базе естественного языка, снимает эту кажущуюся абсолютной аб-

страктность. Но так как содержательная сторона синтаксических образований формальной логики остается по существу вне поля зрения исследователей этого направления, а основное внимание концентрируется на правилах формирования одних формальных структур и перехода к другим, то и смысл подобных структур – высказываний – должен определяться как строгий порядок следования их конститuentов. Особенно наглядно это проявляется в построениях символической логики как более абстрактной математической теории, исследующей принципы дедуктивного знания. Перенос принципов символической логики на естественный язык с его прямой и непосредственной связью с содержанием не позволяет проникнуть в «тайну» формирования содержательного смысла его единиц так, как естественный язык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аристотель. Метафизика. – М. – Л., 1934.
2. М.Н. Алексеев. Логика научного познания. – ВФ, 1962, № 11.
3. Г.А. Брутян. Уровни абстрагирования и язык как критерий определения статуса логических наук. – ВФ, 1975, № 4.
4. Б. Рассел. Человеческое познание, его сфера и границы. – М., 1957, с. 277.
5. Д.П. Горский. Формальная логика и язык. Сб.: Философские вопросы современной формальной логики. – М., 1962.
6. R. Carnap. Logische Syntax der Sprache. – Wien, 1934.
7. Л.Н. Засорина, В.Н. Мороз. О принципах семантического анализа. – ВЯ, 1971, № 6, с. 50.

УДК К 802.0-4

Новик Д.В.

О ПРОБЛЕМЕ ПРОСОДИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В НАУЧНОЙ ЭКСПРЕССИВНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Проблемы билингвизма и интерференции давно привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. При этом разрабатываются различные аспекты билингвизма: социолингвистический, психолингвистический, педагогический и лингвистический.

В собственно лингвистическом аспекте двуязычия особое место в последнее десятилетие заняла проблема просодической интерференции – наиболее устойчивой и распространенной, которая, однако, по ряду причин долгое время оставалась неразработанной. Исследования данной проблемы, начатые в 70-е годы на кафедре теоретической и экспериментальной фонетики Минского ГПИИЯ с разработки методики контрастивного анализа на материале различных коммуникативных типов высказываний при разных видах двуязычия и получившие распространение в других фонетических школах, выросли в одно из приоритетных направлений в отечественной теории билингвизма.

Просодическая интерференция в условиях белорусско-английского двуязычия освещалась в ряде специальных исследований в плане установления интерферентных явлений в просодических структурах фраз определенных коммуникативных типов и обусловленности просодической интерференции экстралингвистическими факторами. В результате фундаментального теоретического и экспериментально-фонетического исследования просодической интерференции

раскрыты системные закономерности взаимодействия просодии контактирующих языков в речи билингва.

Современное состояние исследований взаимодействия просодических систем позволяет осуществить более углубленное изучение данной проблемы, исходя из понимания просодической системы (и языковой системы в целом) как динамической, т.е. осуществляющей актуализацию и материализацию содержания мысли.

Динамизм языковой системы, проявляющийся в самом осуществлении речевых актов, неотделим от лингвистической категории экспрессивности. Экспрессивность (выразительность) понимается как оптимальный способ передачи мыслительного содержания в момент речи (экспрессивность логического плана), т.е. при данном состоянии языковой системы.

Экспрессивность речи усиливает точность и ясность передаваемого смыслового содержания. Содержательность речи становится особенно яркой, когда она облечена в воздействующую и впечатляющую экспрессивную форму, которая достигается единицами всех подсистем языка.

Просодическая экспрессивность остается в настоящее время недостаточно изученной, а в ряде языков и полностью неизученной категорией, что затрудняет контрастивное описание просодических средств экспрессивности разных языков, и исследование интерференции в данной области.

В ряду экспрессивных просодических средств особое ме-

Новик Диана Владимировна, к.ф.н., доцент каф. иностранных языков Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.